

УДК 94(47+57):572.028

UDC

DOI: 10.17223/18572685/38/11

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК: ПРОПАГАНДА ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?*

Е.А. Федосов

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный
исследовательский Томский государственный университет»
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: karamba243@yandex.ru
SPIN-код: 8906-0870

Авторское резюме

Проблема поиска национальной идеи в современной России все чаще требует от исследователей и политиков осмысления недавнего прошлого страны, с которым связано понятие советской идентичности и ее конкретного проявления, именуемого советский человек. Важная роль в формировании этого нового, беспрецедентного по своим качествам типа людей отводилась государственной пропаганде, которой была создана специфическая система идеологем, символов и образов. Могли ли соответствовать ей реальные люди? Какими они были на самом деле? Учитывая все особенности пропаганды, необходимо не только выявить черты самосознания советских граждан, но и попытаться понять, насколько они были духовно готовы (или не готовы) к возложенной на них государством главной идеологической миссии – построению коммунизма, и почему система перестала существовать, а общество пришло к иным результатам. Изучение советской идентичности имеет и социологическое значение, поскольку ее элементы сохраняются и сейчас в форме ностальгии или более глубоких ментальных установок, включающих моральные ценности, традиции, стереотипы внутри- и внешнеполитического мироощущения общества. Среди множества источников, способных дать ответ на эти вопросы, особую важность приобретают диалоговые интервью с представителями старшего поколения, жившего и работавшего в Советском Союзе. Одно из них составило основу данной статьи.

Ключевые слова: советская идентичность, советский человек, идеология, пропаганда, СССР, М.С. Кузнецов, качественная социология.

The Soviet person: propaganda or reality?

E.A. Fedosov

Federal state autonomic educational institution of high education
"National research Tomsk state university"
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: karamba243@yandex.ru

Abstract

In modern Russia the problem of the search for a national idea more often requires from researchers and politicians the comprehension of the recent past of the country, and the concept of the Soviet identity and its specific manifestation – the Soviet person – are inseparably connected with it. An important role in formation the new, unprecedented by their characteristics type of people was assigned to the state propaganda, by which the special system of the ideologems, symbols and images was created. Could the real Soviet people conform to it? How were they indeed? Considering all the specialties of the propaganda, it is necessary not only to identify the Soviet citizens' identity features, but to try to understand: how they were ready (or were not ready) to the main ideological mission – communism – which was entrusted on them by the state, and why the system had ceased to exist and society had come to the other result. The researching of the Soviet identity also has a sociological meaning, because its elements are saved today as nostalgia or as the deeper mental attitudes, including moral values, traditions and stereotypes of the internal and foreign policy worldview of the society. Among the plurality of sources, for this subject conversational interviews with the representatives of the older generation, who lived and worked in the Soviet Union, have a particular importance. One of such interviews forms the basis of this article.

Keywords: Soviet identity, Soviet person, ideology, propaganda, USSR, M.S. Kuznetsov, qualitative sociology.

Понятие советской идентичности и её конкретное проявление – советский человек – сейчас в центре внимания исследователей и политиков, актуализирующих проблему поиска национальной идеи современной России. С течением времени в идеологии и пропаганде СССР делался акцент на различные компоненты идентичности его граждан. Он менялся. После революции основополагающими были провозглашены классовые, интернациональные категории, призванные создать новый тип людей, стоящий над этническими и государственными границами. В годы индустриализации, а особенно Великой Отечественной войны закономерно усилились патриотические тенденции в формировании советского самосознания, уже неразрывно связанного с принадлежностью к родине и её историческому прошлому. Наконец, с началом холодной войны интернациональная роль СССР рассматривалась не только с точки зрения классовых, но и общечеловеческих, гуманистических принципов,

таких, как борьба за мир, разоружение, деколонизация и т. п. Внутри самого государства интернационализм советских людей осмысливался и через идею этнической гармонии, связанной с образами единства населения союзных республик и других народов, населявших страну. Все это обеспечивало многоуровневый синтетический характер советской идентичности, которую, пользуясь терминологией исследователя С.В. КОРТУНОВА, можно назвать также идеологической (коммунистической) (Кортунов 2009: 43). И действительно, актуализация перечисленных выше черт советского самосознания происходила в условиях решения весьма конкретных идеологических и пропагандистских задач.

На теоретическом уровне советские исследователи выявляли следующие «нормы социалистической жизни» (по сути, критерии идеальной советской идентичности): коллективизм, высокое достоинство труда, интернационализм, сознательность через высокий уровень осмысленности жизни (Гуревич 1987: 185-187). Все они подлежали культивированию в обществе. Сейчас, когда тип «советский человек» уже не формируется коммунистической пропагандой, а подвергается рефлексии с других позиций, не приходится говорить о каком-либо единстве в оценке и даже интерпретации его качеств. Так, например, с точки зрения социологических исследований Ю.А. Левады, советский человек предстает деиндивидуализированным, «массовидным», простым до примитивности, зависимым от государства, а от того инфантильным (Гудков 2007: 412-413). С другой стороны, тезис об «инфантильности» активно оспаривается Р.Р. Вахитовым, как возникший во многом на фоне банкротства реформ 1990-х гг., которые не приняли «обычные советские люди, умеющие строить заводы, города, самолеты и ракеты, побеждать в войне и осваивать целину, но не умеющие “крутиться”, “спекулировать”...» (Вахитов 2003). Полемическое многообразие мнений, в том числе эмоционально и идеологически окрашенных, требует преодоления интерпретационного посредничества для целостного и корректного понимания феномена советской идентичности и роли официальной пропаганды в ее формировании. В подобных условиях особое применение находят методы качественной социологии, включающие изучение источников личного происхождения, проведение глубинного или диалогового интервью с представителями разных поколений советских людей. Они позволяют дополнить содержание формализованных делопроизводственных документов и статистических данных.

Следует отметить, что среди общественно значимых явлений советское внутрипартийное делопроизводство нередко детализиро-

вало и индивидуализировало случаи отклонения от официальной линии, чтобы иметь возможность повлиять на ситуацию (ЦДНИ ТО 1: 6-8). В то же время внутренние мотивы условно положительной советской идентичности (одобрение политики, принятие трудовых обязательств, вкладывание денежных средств в государственные займы и т. д.) подчас носят коллективный, обобщенно-массовый характер и в значительной мере остаются скрыты от исследователей по принципу обезличенного большинства (ЦДНИ ТО 2: 145-147). Совсем иное поле для анализа открывают письма граждан к высшему руководству СССР, представляющие собой, например, отклики на ключевые политические события (ГАРФ 1, ГАРФ 2). Представленные в них черты самосознания, образ мышления, господствующая риторика позволяют оценить влияние официального пропагандистского дискурса на настроения и суждения советских людей. Проведение интервью с непосредственными носителями советской идентичности, помимо несомненной общей познавательной ценности, также выполняет важную функцию индивидуализации советской повседневности в ее политическом и идейном контексте. Будучи по существу воспоминанием, подобная беседа как источник обладает определенной спецификой, связанной с проблемой исторической памяти,

ностальгических переживаний и т. п. Это делает ее результатом своеобразного миромоделирования – реконструирования реальности в соответствии с ценностными ориентирами личности (Лебедева 2011: 195). Прошрое предстает здесь не в чистом виде, но, как представляется, данное обстоятельство не противоречит задаче изучения черт советского человека, поскольку воспроизводимые характеристики во многом и являются его наиболее устойчивыми ментальными установками.

Основу данной статьи составило интервью, проведенное автором в сентябре 2013 г. Своими воспоминаниями и суждениями по поводу различ-

Ил. 1

ных событий и явлений советской эпохи, включая массовые пропагандистские кампании, поделился ветеран Великой Отечественной войны, заслуженный деятель науки РСФСР, один из старейших работников Томского государственного университета профессор Михаил Сергеевич Кузнецов (ил. 1).

В жизни М.С. Кузнецова, родившегося в 1922 г. в крестьянской семье, как и в жизни многих советских людей того поколения, было достаточно испытаний. После раскулачивания и ареста отца его детство прошло в среде спецпереселенцев. Он вспоминает о своих впечатлениях тех лет: «Осознанной политической оценки событий у меня еще не было. Но чем старше я становился, то начинал понимать, что мы, ссыльные – это люди, которые не обладают долей каких-то прав. И возникала такая осторожность в поведении, чтобы не сказать и не сделать где-то что-то непродуманное...» (Интервью). В то же время практически не было обиды на власть, но сильна была досада от несправедливости со стороны конкретных людей, коменданта или военной охраны, надзиравшей над спецпереселенцами. В 1935 г. статус спецпереселенца был официально упразднен, а люди, имевшие его, восстановлены в правах. Забегая вперед, отметим, что за всю свою дальнейшую долгую жизнь М.С. Кузнецов никогда больше не подвергался никаким репрессиям и притеснениям со стороны властей. Какими же после всех бедствий должны были стать его взгляды? Не возникло ли у него пусть даже скрытого, но устойчивого неприятия советской власти и недоверия к идеологемам и ценностям, которые она предлагает обществу? Мог ли он психологически принять образ, олицетворявший простого советского человека? Так или иначе, первые элементы его гражданского самосознания формировались под влиянием советских общественных институтов: «Несмотря на то, что детство мое прошло среди спецпереселенцев, я еще со школы, с пионерии привык думать хорошо о своей стране» (Интервью). Вступление в комсомольскую организацию помогло преодолеть психологическое напряжение в связи с памятью о прошлом: «В 1939 г. меня приняли в комсомол, и я здесь еще активнее занялся общественной работой и спортом. Во всяком случае, я чувствовал себя как-то увереннее, что я теперь такой же, как и все» (Интервью).

Непростая внешнеполитическая обстановка, в которой оказался СССР в конце 30-х гг., и сопутствовавшая пропагандистская практика государства сказывались на деятельности и интересах того поколения людей. Будучи учащимся фельдшерско-акушерской школы, Кузнецов сам занимался агитационной деятельностью, самостоятельно выпуская газету «МОПР»¹. Он также был инструктором ПВХО² и

участвовал в оборонно-патриотической работе. Здесь уместно упомянуть один из характерных для того времени плакатов: «Будь готов к противовоздушной и противохимической обороне» (худ. В.С. Пахомов, 1940) (ил. 2). Представленный на нем образ комсомольца весьма точно сочетается с биографией моего собеседника, что подтверждает явную связь общественных настроений с идеологической линией властей. Довольно успешно решалась задача психологической и практической подготовки населения к войне: «Нас стали усиленно готовить к военным действиям, мы владели почти всеми видами стрелкового оружия... знали, как себя вести, и по-настоящему любили свою страну» (Интервью). Несмотря на мобилизационные настроения, сформированный к концу 30-х гг. образ врага, неизменно связанный с германским фашизмом и его вождями, испытывал в пропаганде определенные колебания в связи с подписанием Пакта о ненападении. По словам М.С. Кузнецова, в печати и на радио даже появились довольно успокаивающие интонации, хотя прежняя оценка уже устойчиво укоренилась в сознании советской молодежи: «Мы знали – нас так воспитывали – что войны Советскому Союзу не избежать, и в 1940 г. мы были уверены, что воевать будем именно с Германией...» (Интервью). Вместе с тем, аналитическое восприятие официальных текстов порой открывало для общества скрытые смыслы пропаганды, порождая определенные прогнозы. «Когда 14 июня 1941 г. ТАСС выступил с тем, что СССР не намерен вести войну с Германией, ожидалось, что в соответствии с политической обстановкой немцы ответят встречным заявлением. Однако его не последовало. Мы сразу поняли, что войны с Германией не избежать, но не думали, что она начнется так быстро» (Интервью).

С началом Великой Отечественной войны чувство

патриотического долга комсомольца Кузнецова сопровождалось и глубоким личным мотивом: «Я даже обрадовался, что еду на фронт, поскольку оставалось в памяти пятно, что я спецпереселенец – кулак, но на фронте я буду среди всех, и пусть смотрят, как я веду себя, как я живу, кто я такой и чего я достоин!» (Интервью). Его боевой путь, безусловно, заслуживает отдельного рассказа, но в рамках данной статьи остановимся лишь на восприятии фронтовиком военной пропаганды и агитации. В целом он оценивает ее очень высоко. И на фронте, и в тылу любые материалы воспринимались с большим интересом и приковывали внимание населения. Хотя в агитках иногда и попадались довольно «злые и преувеличенные» образы, по-особому верилось в их призывы, потому что «нам хотелось, чтобы так было, мы воспринимали всё живо...» (Интервью). Ветеран вспоминает и поддержку так называемой «неосознанной» пропаганды, исходившей от простых советских людей (не только родственников и друзей), присылавших на фронт письма и посылки. Интересная точка зрения сложилась у Кузнецова в отношении немцев, которых еще с довоенных лет, в том числе под влиянием официальной

пропаганды, он привык отличать от фашистов и Гитлера с его окружением. Во время боевых действий идейная суть противостояния с немцами сводилась к простым законам военного времени: не было ощущения, что «раз немец – это враг вообще, хотя хорошо было ясно, что сейчас самый главный враг – немец. Надо или его победить, или он победит» (Интервью). Хотя здесь стоит оговориться, что с 1942 г., когда после тяжелого ранения мой собеседник находился уже в глубоком тылу, общая антифашистская тональность советской пропаганды дополни-

лась весьма определенными и жестко сформулированными плакатными лозунгами: «Немцем меньше – победа ближе!» (худ. В.С. Щеглов, 1942), «Смерть немецким мерзавцам!» (худ. А.А. Казанцев, 1943) (ил. 3), «Это сделали немцы» (худ. А.А. Кокорекин, 1944) и т. п. Однако к концу войны эта тенденция постепенно себя исчерпала.

После Победы в жизни фронтовика наступил период насыщенной научной и общественной деятельности. Будучи студентом пединститута, он работал инструктором отдела агитации и пропаганды Томского обкома ВЛКСМ. В 1947 г. Кузнецов был принят в ВКП(б). «Тогда к этому все относились серьезно, вдумчиво и ответственно. Я до сих пор запомнил с восклицательным знаком, что член партии – это слово “надо!”», – подчеркивает Михаил Сергеевич (Интервью). Выступая с докладами, он стал не только представителем советского общества, которому адресуются идеологические установки, но и человеком, во многом ответственным за их формулировку и интерпретацию. Докладывать приходилось и по организационным вопросам, и по проблемам внутренней и внешней политики СССР. Кузнецов всегда охотно выступал на собраниях, и, хотя в подобной практике, как и во всей советской пропаганде, находилось место формализму, наиболее актуальные темы и дискуссии вызывали живой и неподдельный отклик, в том числе и у молодежи. Он искренне верил в линию партии и редко расходился с ней по основополагающим вопросам, оставаясь честным и перед собой, и перед аудиторией. Но возникали и трудные моменты. Так, например, замешательство возникло в связи с заявлением Н.С. Хрущева с трибун XXII Съезда КПСС, что «к 1980 г. построим коммунизм», которое с долей скепсиса и даже иронией было воспринято частью коммунистов. Надо сказать, что тема приближающегося коммунизма закрепились в пропаганде еще в начале 50-х гг. Об этом свидетельствует, например, плакат, где образы молодых людей и пионера сопровождался лозунгом «Наше будущее – коммунизм» (худ. П.С. Голубь, 1950). После XXII Съезда перспектива абстрактного будущего сменилась в лозунгах уже более конкретизированными временными контурами: «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» (худ. В.П. Воликов, 1962) (ил. 4). Хотя в его материалах было указано, что к 1980 г. должна быть создана материальная база коммунизма, а «полностью построение коммунистического общества завершится в последующий период» (XXII Съезд 1962: 276). Однако, когда на партийных собраниях поднималась тема сроков, М.С. Кузнецов подчеркивал, что недостаточно достичь материальных параметров, поскольку движение к коммунизму сопряжено с длительным морально-нравственным

развитием общества в планетарном масштабе. Следует отметить, что советские идеологи также актуализировали духовную сторону процесса. Ведь не случайно одной из самых знаковых программных установок съезда стал «Моральный кодекс строителя коммунизма» (XXII Съезд 1962: 317-318), принципы которого подлежали массовому тиражированию, в том числе при помощи изобразительных средств наглядной агитации, примером которой служат тематические плакаты художников Е.П. Соловьева³ (ил. 5), А.Н. Доброва⁴ и др.

Применительно к идеологической обстановке гораздо большее недоверие и даже определенные опасения за будущее страны появились у профессора Кузнецова с приходом к власти М.С. Горбачева. На приеме в ЦК у него была возможность лично ознакомиться с вестями, царившими в среде руководства, и наблюдения его были тревожны: «Понятно было, что этот Центральный Комитет партии не руководит страной, а занимается делами совершенно чуждыми и только настраивает людей друг на друга» (Интервью). Однако развал СССР в мирное, относительно спокойное время казался немыслимым: «Я даже на фронте, как трудно не было, не верил, что

Советский Союз может проиграть войну...» (Интервью).

М.С. Кузнецов и сейчас крайне отрицательно оценивает деятельность Горбачева, приведшую страну к распаду. Несмотря на последовавшие события, он до сих пор разделяет социалистические идеи и положительно характеризует советскую пропаганду. Ее сильными сторонами он считает ярко выраженные морально-нравственные и организующие начала, прославление труда и взаимовыручки, способность к мобилизации и сплочению населения. Иногда желаемое выдавалось за действительное, но все это было скорее от того, что и людям, и пропагандистам хотелось в это поверить. Вместе с тем Куз-

Ил. 4

нецов понимает, что не обошлось и без «пустой говорильни и безответственных лозунгов на собраниях», и без перегибов. В частности, внешнеполитический аспект пропаганды времен холодной войны оказался перегружен чрезмерным идеологическим давлением на страны-союзицы по соцлагерю и некритическим «натравливанием» людей на капиталистический строй.

Что касается советской идентичности, то Михаил Сергеевич Кузнецов уверен, что специфическая общность «советский человек» действительно существовала, и всецело считает себя ее частью, приводя довольно эмоциональный аргумент: «Если сказать, что я не советский человек – это значит, я выступал против тех, кто хотел дружбы, слаженности, по первому зову защищал страну» (Интервью). Воспоминания Кузнецова раскрывают черты поколения советских людей, представляющие собой определенный ментальный срез, который не был единственным и универсальным. Однако сам профессор Кузнецов являет собой очень стойкую личность, всецело преданную своей стране и своим убеждениям, несмотря на удары судьбы.

Пропагандистская практика государства могла оказывать на него сильное мобилизационное влияние, приобщала к коллективным ценностям. Вместе с тем он не был бессознательным исполнителем и подвергал идеологические установки государства критическому осмыслению в соответствии с реальным положением дел. Закончить хотелось бы высказыванием самого М.С. Кузнецова о своих современниках и о советских людях в целом: «Таких людей больше нет, и никогда не будет. Будут лучше в другом плане, но чтобы такая была сплоченность, такая неразрывно душевно осознанная и психологически неразру-

шимая связь между людьми. Она ведь в нынешних условиях невозможна» (Интервью).

*Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Международная Организация помощи борцам революции.
2. Противовоздушная и противохимическая оборона.
3. Плакат «Гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку – друг, товарищ и брат!» (худ. Е.П. Соловьев, 1962).
4. Плакат «Взаимное уважение в семье, забота и воспитание детей» (худ. А.Н. Добров, 1962).

ЛИТЕРАТУРА

XXII Съезд 1962 - XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. Т. 3. 592 с.

Вахитов 2003 - *Вахитов Р.Р.* Соломинка и бревно, или об инфантилизме советского человека // Литературный журнал «Бельские просторы». 2003. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://belsk.ruspole.info/node/2290> (дата обращения: 28.01.2014).

ГАРФ 1 - Государственный архив Российской Федерации (*далее - ГАРФ*) Ф. Р. 5446. Оп. 96. Д. 1353. Письма и телеграммы граждан, поступившие на имя Председателя Совета Министров СССР т. Хрущева Н.С., с откликами на агрессивные действия США против Кубы 12.09-31.10.1962.

ГАРФ 2 - ГАРФ. Ф. Р. 5446. Оп. 96. Д. 1354. Письма и телеграммы граждан, поступившие на имя Председателя Совета Министров СССР т. Хрущева Н.С., с откликами на агрессивные действия США против Кубы 01.11-28.11.1962.

Гудков 2007 - *Гудков Л.Д.* Перерождения «советского человека» (Об одном исследовательском проекте Левада-центра) // Научный альманах «Одиссей: Человек в истории» / Отв. редактор Чубарьян А.О. 2007. № 1. С. 398–436.

Гуревич 1987 - *Гуревич П.С.* Пропаганда в идеологической борьбе. М.: «Высшая школа», 1987. 263 с.

Интервью - Интервью с Михаилом Сергеевичем Кузнецовым. Томск. 11 сентября 2013 г. // Личный архив автора.

Кортунов 2009 - *Кортунов С.В.* Национальная идентичность. Постигание смысла. М.: «Аспект-пресс», 2009. 592 с.

Лебедева 2011 - *Лебедева Н.Б.* Мемуары советского человека как моделирование мира ушедшей эпохи // Ностальгия по советскому / Отв. редактор Резанова З.И. Томск: Изд-во Томского университета, 2011. 514 с.

ЦДНИ ТО 1 - Центр документации новейшей истории Томской области (далее - ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 2396. Стенограмма заседания Томского областного партийного актива 05.11.1956.

ЦДНИ ТО 2 - ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2416. Информация о проведении митингов трудящихся о положении в Египте 1956 г.

References

XXII S"ezd 1962 - XXII S"ezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz. Stenograficheskiy otchet [XXII Congress of the Communist Party of the Soviet Union. verbatim report], Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1962, t. 3, 592 p. [in Russian].

Vakhitov 2003 - *Vakhitov R.R.* Solominka i breвно, ili ob infantilizme sovetskogo cheloveka [The straw and the timber, or about the Soviet person's infantilism], Bel'skie prostory, Literary journal, 2003, Nr 3 [Electronic resource]. URL: <http://belsk.ruspole.info/node/2290> (accessed: 28 January 2014) [in Russian].

GARF 1 - Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (further - GARF) [State Archive of the Russian Federation], f. R 5446, inv. 96, d. 1353. Pis'ma i telegrammy grazhdan, postupivshie na imya Predsedatelya Soveta Ministrov SSSR t. Khrushcheva N.S., s otklikami na agressivnye deystviya SShA protiv Kuby 12.09-31.10.1962 [Letters and telegrams of the citizens, received by the Chairman of the Council of Ministers of the USSR Khrushchev N.S., with responses to the aggressive actions of the United States against Cuba 12.09-31.10.1962] [in Russian].

GARF 2 - GARF, f. R 5446, pp. 96, d. 1354. Pis'ma i telegrammy grazhdan, postupivshie na imya Predsedatelya Soveta Ministrov SSSR t. Khrushcheva N.S., s otklikami na agressivnye deystviya SShA protiv Kuby 01.11-28.11.1962 [Letters and telegrams of the citizens, received by the Chairman of the Council of Ministers of the USSR Khrushchev N.S., with responses to the aggressive actions of the United States against Cuba 01.11-28.11.1962] [in Russian].

Gudkov 2007 - *Gudkov L.D.* Pererozhdeniya "sovetskogo cheloveka". (Ob odnom issledovatel'skom proekte Levada-tsentra) [The "Soviet person's" degeneration (Or about one of the research projects of the Levada-center), Odissey: Chelovek v istorii, Research Almanac, 2007, Nr 1, pp. 398-436 [in Russian].

Gurevich 1987 - *Gurevich P.S.* Propaganda v ideologicheskoy bor'be [Propaganda in the political struggle], Moscow, Vysshaya shkola, 1987, 263 p. [in Russian].

Interview - Interview with Mikhail Sergeyevich Kuznetsov. Tomsk, 11 September 2013, Author's personal archive [in Russian].

Kortunov 2009 - *Kortunov S.V. Natsional'naya identichnost'. Postizhenie smysla* [National identity. The comprehension of the meaning], Moscow, Aspekt-press, 2009, 592 p. [in Russian].

Lebedeva 2011 - *Lebedeva N.B. Memuary sovetskogo cheloveka kak modelirovanie mira ushedshey epokhi* [Soviet citizen's memoirs as modeling the world of the bygone epoch], *Nostal'giya po sovetskomu* [Nostalgia for the Soviet: monograph], Tomsk, Publishing House of Tomsk State University, 2011, 514 p. [in Russian].

TsDNI TO 1 - Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Tomskoy oblasti (further - TsDNI TO) [Documentation Centre recent history of the Tomsk region], f. 607, inv. 1, d. 2396, Stenogramma zasedaniya Tomskogo oblastnogo partiynogo aktiva 05.11.1956 [Transcript of the session of the Tomsk regional party activists 05.11.1956] [in Russian].

TsDNI TO 2 - f. 607, inv. 1, d. 2416, Informatsiya o provedenii mitingov trudyashchikhsya o polozhenii v Egipte 1956 g. [Information about meetings of the laborers about the situation in Egypt. 1956] [in Russian].

Федосов Егор Андреевич - магистрант второго года обучения, кафедра современной отечественной истории, исторический факультет Национального исследовательского Томского государственного университета

Fedosov Egor - 2nd year Master Student, the Department of Contemporary History of Russia, the Faculty of History of National Research Tomsk State University

E-mail: karamba243@yandex.ru